



*Мазиллов В. А.
Mazilov V.A.*

К. Д. Ушинский как создатель парадигмы практической психологии: непонятый проект

К. Д. Ушинский является выдающимся педагогом и психологом. Вклад Ушинского в психологию в целом признается лишь в отечественной истории психологии. Представляется, что вклад Ушинского в мировую психологию недооценивается: его обычно оценивают с точки зрения тенденций второй половины XIX столетия – возникновения научной психологии, а русский педагог, опередив время, пытался создать практическую психологию. Парадигма практической психологии только формируется в наши дни. Ушинский в рамках педагогической антропологии первым в истории мировой психологии попытался решить эту задачу. Методологические подходы к решению сложных проблем он начал формулировать еще во время работы профессором Ярославского Демидовского лицея.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, педагогика, психология, Демидовский юридический лицей, педагогическая антропология, практическая психология

Ushinsky as a Creator of the Paradigm of Practical Psychology: Unclear Project

K. D. Ushinsky is an outstanding educator and psychologist. Ushinsky's contribution to psychology in general is recognised only in Russian history of psychology. It is believed that Ushinsky's contribution to world psychology is underestimated: it is usually assessed in terms of trends in the second half of the nineteenth century - the emergence of scientific psychology, while the Russian educator being ahead of time tried to create practical psychology. The paradigm of practical psychology is only being formed nowadays. In the framework of pedagogical anthropology Ushinsky was the first to try to solve this problem in the history of world psychology. He started formulating methodological approaches to the solution of difficult problems while working as a professor at Yaroslavl Demidov Lyseum.

Key words: K. D. Ushinsky, pedagogy, psychology, Demidov Lyseum, pedagogical anthropology, practical psychology.

1. К. Д. Ушинский как педагог и психолог

Цель настоящей статьи – обозначить проблему, связанную с определением места К. Д. Ушинского в истории мировой психологии, и, если повезет, попытаться исправить историческую несправедливость, связанную с именем Ушинского и вызванную к жизни исторической же аберрацией. Впрочем, обо все по порядку...

Константин Дмитриевич Ушинский (1823-1870) – выдающийся отечественный педагог и психолог. Факт совершенно очевидный и в дополнительных доказательствах как будто не нуждающийся. За прошедшие с момента его смерти почти полтора века соответствующие оценки и место в истории давно и точно определены. Впрочем, как скоро увидит читатель, последнее утверждение верно лишь наполовину, будучи справедливым только для мира педагогики.

Константин Дмитриевич Ушинский – так уж получилось – принадлежит одновременно двум мирам – миру педагогики и миру психологии. Между ними, хотя великий Ушинский и писал, что психология должна быть одной из основ педагогики, единство (да что греха таить – и взаимопонимание тоже) наблюдается далеко не всегда и не во всем (в отличие, скажем, от экспертного Совета ВАК, где две уважаемые научные дисциплины мирно сосуществуют в рамках единого совета). И представление о Константине Дмитриевиче в этих уважаемых дисциплинах несколько различается.

Для Ушинского из мира педагогики более всего подходит метафора «музей». Идеи великого педагога каталогизированы, разложены по полочкам, помещены под стекло и в красивые рамочки, аккуратно подписаны... Все устоялось, никаких изменений не предвидится... Понятно, что дело не в Ушинском, а в характере науки.

Совершенно очевидно, что в психологии картина совсем иная. И дело здесь, разумеет-

ся, не в Константине Дмитриевиче, а в самой психологии. Ответ очевиден – психология очень далека от состояния финальности, завершенности. Более того, нет никакой гарантии, что через несколько десятилетий она не изменится «до неузнаваемости». Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки.

Впрочем, предоставим слово авторитету. Известный психолог В. Ф. Петренко отмечает: «...Нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем – «психология». И ряд областей психологии, например, социальная психология, гораздо ближе по языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из «психологии» выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» [10, с.93].

Поэтому ясно, что метафора музея к данному случаю совершенно не подходит. Подошла бы метафора строительной площадки, где все находится в движении и постоянно изменяется, где снуют люди в рабочих блузах, что-то с грохотом падает, что-то растет...

Если мир педагогики давно признал, что Ушинский – великий педагог, учитель русских учителей, автор классических книг, то в психологии тоже говорят, что Ушинский выдающийся психолог. Но говорят как-то не очень уверенно, не совсем убежденно и, что особенностораживает, в общих словах, обычно не уточняя заслуг и вклада... Короче говоря, есть о чем задуматься...

Но прежде, чем мы начнем искать ответ на этот каверзный вопрос, остановимся на одном биографическом моменте. Кажется,

что жизнь и деятельность великого педагога описаны, проанализированы, задокументированы, все досконально выяснено. Однако, оказывается, даже дата рождения К. Д. Ушинского под вопросом. Принято считать, что родился Ушинский 19 февраля 1824 года. (Выше, в начале статьи были приведены годы жизни Ушинского, откуда следует, что с этой датировкой автор не согласен). Действительно, исследования тульского ученого Е. Г. Шаина показали, что Ушинский родился годом ранее: «В Туле семья Ушинских квартировала в двухэтажном доме купца П. И. Авчинникова на Барановой (ныне Тургеневской) улице (дом снесли, сейчас на этом месте на углу с улицей Менделеевской – административное здание). Здесь 19 февраля 1823 года и родился в семье третий сын – Константин. Однако многие биографы уже больше ста лет указывают и другой год его рождения – 1824. А после того, как наиболее авторитетный исследователь жизни и деятельности великого педагога В. Я. Струминский, подготавливая 11-томное собрание сочинений К. Д. Ушинского, поддержал эту дату, она стала восприниматься едва ли не канонической. Все официальные чествования памяти классика отечественной педагогики отмечались, исходя из этой даты» [18, с.63]. Представляется, что здесь не место воспроизводить аргументацию Е. Г. Шаина, при желании можно поинтересоваться содержанием его интересной статьи. Заметим только, что психологически убеждает – независимо от документальных разысканий тульского исследователя – запись, сделанная советником хозяйственной экспедиции Тульской казенной палаты, отцом великого педагога Дмитрием Ушинским в 1823 году о его детях: «Александру 6 лет, Владимиру 4 года, а Константину 8 месяцев». Психологически невероятно, чтобы родитель писал о своем еще не родившемся и не крещеном ребенке как о восьмимесячном, называя его по имени... Кажется, и доказательств более никаких не нужно...

Оставим, впрочем, датировку. По сравнению с тем, что мы хотим обсудить, это такие мелочи...

Итак, в мире педагогики – и отечественном, и зарубежном – Ушинский великий педагог. Правда, знают педагога К. Д. Ушинского в основном в славянских странах...

В отечественном мире психологии Ушинский тоже считается великим психологом (с теми оговорками, которые были сделаны выше). Зарубежная психология такого психолога, кажется, вообще не знает – во многостраничных руководствах по истории психологии, написанных иностранными авторами (американцами, немцами, норвежцами, англичанами) и изданных в последние годы, такой психолог вообще не упоминается...

Попробуем разобраться, каков вклад К. Д. Ушинского в психологию.

2. К. Д. Ушинский:

проект «практическая психология»

Об Ушинском как психологе писали многие. Особенно в связи с юбилеями. К этим публикациям мы еще вернемся, а сейчас обратимся к современной литературе.

Возьмем популярный современный учебник по истории психологии, написанный А. Н. Ждан [6]. Об Ушинском там сказано, что он позитивно оценил деятельность Н. И. Пирогова, идеи которого пробудили «спавшую педагогическую мысль», а принцип воспитания человека в человеке должен стать, согласно Ушинскому, требованием педагогики, основанной на психологии. «Органичное соединение педагогики с психологией происходит в фундаментальном произведении русской педагогической мысли – труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания»... Здесь были использованы достижения всей мировой психологической мысли. Признавалась исключительная роль деятельности, особенно труда, в духовном развитии, в формировании характера и нрав-

твенных качеств. Труд Ушинского явился предтечей отечественной детской и педагогической психологии» [6, с.203]. Для великого психолога, как представляется, маловато...

В двухтомной «Истории и теории психологии» [11] А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского К. Д. Ушинский лишь упоминается – приводится известная цитата в связи с историей советской психологии. В разделе о психологии XIX века, где было бы логично оценить его вклад, об Ушинском вовсе ничего не говорится. В книге «История психологии» Т. Д. Марцинковской и А. В. Юревича [9] К. Д. Ушинский не упоминается...

Вот вам и великий психолог... Но, конечно, не все так однозначно. Интерес к творчеству К. Д. Ушинского, как известно, проявлял Б. Г. Ананьев, развивавший антропологический подход при исследовании человека, создатель широкоизвестной концепции человекознания.

Почти семьдесят лет назад, в 1945 году, в журнале «Советская педагогика» Б. Г. Ананьев публикует статью под совершенно однозначным названием «К. Д. Ушинский – великий русский психолог». В частности, в этой статье Б. Г. Ананьев писал: «Развивая гуманистические и демократические традиции русской передовой философской и научной мысли, К. Д. Ушинский создал новые пути в развитии научной психологии. В великом десятилетии русской психологии (60-е годы XIX столетия) К. Д. Ушинский выступил вместе Н. Г. Чернышевским и И. М. Сеченовым (но со своих особенных позиций) создателем русской психологии, как системы науки» [3, с. 388]. Заметим, что Б. Г. Ананьев отмечает: «Велика роль К. Д. Ушинского, как зачинателя русской педагогической психологии. Однако было бы неправильно думать, что лишь в этом *специальном* разделе психологии К. Д. Ушинский являлся новатором и создателем традиций, развиваемых ныне советской педагогической психологией. Больше того, нельзя понять оригинальности и значитель-

ности созданных К. Д. Ушинским принципов педагогической психологии, не вскрыв особенных путей и принципов, разработанных впервые К. Д. Ушинским в общей психологии, в психологической науке в целом.» [3, с. 388-389].

«Прежде всего, обращает на себя внимание знаменательный факт, что главнейшие теоретические труды К. Д. Ушинского посвящены системе психологических знаний, понятий и учению об их критическом освещении. Достаточно сослаться в этом отношении на «Педагогическую антропологию» («Человек как предмет воспитания») и критический очерк «Вопрос о душе в его современном состоянии». Но и в других, собственно педагогических и методических работах К. Д. Ушинского очень настойчиво сказывается психологический метод, разработанный им самим в трудах по общей и педагогической психологии» [3, с. 389].

«Обозревая всю картину развития русской психологии в XIX столетии, можно утверждать с полным основанием, что К. Д. Ушинский был великим психологом именно потому, что он был великим педагогом и, в свою очередь, его величие в педагогике в значительной мере связано с его капитальным вкладом в развитие русской научной психологии» [3, с. 389].

«Невозможно понять оригинальное направление К. Д. Ушинского в педагогике и методике родного языка, отсекая психологическую основу этого направления. И тем более невозможно понять глубокую жизненность и новизну психологических идей К. Д. Ушинского, рассматривая его лишь как психолога» [3, с. 389].

К обсуждению этих глубоких мыслей Б. Г. Ананьева мы еще вернемся. Превосходные степени и оценки, кажется, оправданны. Обратим внимание, заканчивается 1945 год (статья Ананьева опубликована в декабрьском номере). Только что завершилась великая война, наступил мир, все теперь

будет хорошо. В том же 1945 году принимается решение об издании собрания сочинений Ушинского (постановление Совета народных комиссаров от 22 августа 1945 года). В 1948 году выходит в свет 2-й том собрания сочинений, где статьям классика по педагогике предпослан текст «От редакции». Протицируем этот документ: «Одновременно Ушинский приступил к выполнению давно поставленной им задачи теоретического обоснования научной педагогики. Предприняв с этой целью капитальный труд «Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии)» Ушинский вступил на путь *критического пересмотра идеалистических основ своего мировоззрения*. Пересмотр этот он начал с помещаемой в настоящем томе статьи «Вопрос о душе», где, наряду с материалистическими высказываниями, много еще идеалистических мыслей. *Последовательным материалистом Ушинский не стал до конца жизни* (курсив везде мой – В. М.)» [13, с. 7-8]. Иными словами, редакция объявляет Ушинского-психолога не вполне благонадежным. Напомним, идет борьба с космополитами, преклонением перед Западом. А по Ушинскому, русская психологическая литература «почти равна нулю» [15, с. 28], да во всех трех томах «Антропологии» ссылается из русских психологов только два раза на Надеждина... Впереди сессия двух академий, когда решается, быть или не быть психологии в СССР. Именно в 1950 году выходит восьмой том, где публикуется начало «Педагогической антропологии» [15]. Великие в столь неоднозначной области не нужны.

Пока обратимся к более поздним работам Б. Г. Ананьева, посвященным К. Д. Ушинскому. Отметим, что великим психологом Ушинского больше не именуют, оценки остались очень позитивными, но стали более скромными.

Б. Г. Ананьев отводил Ушинскому большую роль в развитии научной психологии

в России и к анализу идей которого неоднократно возвращался [1, 2, 4].

Для объективности воспользуемся оценкой В. А. Кольцовой [7]. Особенно ценным представляется Б. Г. Ананьеву антропологический подход великого педагога: центром его системы являлся человек как предмет воспитания. Он отмечает гуманистический характер психолого-педагогической концепции Ушинского, утверждающей огромные возможности и резервы человеческой природы и их актуализацию в процессе воспитания; указывает на использование им психологии и физиологии как теоретических основ педагогики; выделяет своеобразие интерпретации в его работах принципа развития (включающего переход от физиологических процессов к психофизиологическим, от них – к психологическим и, наконец, – к «психоидеологическим», или «духовным» явлениям).

Антропологизм Ушинского проявлялся в его идее о неразрывности физического, умственного и нравственного развития, что приводило к выводу о необходимости целостного воспитания всех сторон личности [7].

Б. Г. Ананьев выделяет и прослеживает те сквозные линии, направления исследования и идеи, которые проходят через всю историю отечественной психологической научной школы в целом, определяя ее своеобразие, присущий ей неповторимый колорит. Анализ истории развития русской дореволюционной мысли приводит его к заключению, что уже в ней оформились те передовые традиции, которые получили впоследствии дальнейшее развитие и расцвет в советской психологии:

- материалистическая ориентированность исследований,
- объективный подход к анализу психических явлений,
- сравнительно-генетический метод,
- антифункционалистический подход, предполагающий изучение психологии живой, деятельной личности, а не абстрактных психических способностей [7].

Указанные традиции русской психологии получили дальнейшее развитие в советской психологии на базе коренного преобразования ее философских основ, усвоения диалектико-материалистического мировоззрения [7].

Подведем некоторые промежуточные итоги. Итак, отметим, что в современной психологии наметилась отчетливая тенденция, проявляющаяся в недооценке работ К. Д. Ушинского в области психологии. Другая заметная тенденция состоит в том, чтобы «прописать» Ушинского по разряду детской и педагогической психологии, отметив его вклад в развитие этих отраслей психологии.

Попробуем непредвзято оценить, что делал К. Д. Ушинский. В одной из поздних своих работ в 1968 году, когда времена вновь изменились, психология стала не только признанной, но и модной наукой, Б. Г. Ананьев задает важный вопрос и сам словами Ушинского на него отвечает: «Сознавал ли сам Ушинский необычность своего труда, новизну начатого им дела, отсутствие образцов в литературе, в которой он благодаря своей феноменальной образованности и широте кругозора ориентировался лучше, чем кто-либо из педагогов мира? Напомним в связи с этим, что в своем обращении к читателям Ушинский писал, что его книга «первый труд в таком роде – первая попытка не только в нашей, но и в общей литературе, по крайней мере, насколько она нам известна» [1, с. 531]. «Действительно, он не нашел в педагогической литературе своего времени такого целостного знания о человеке, которое объясняло бы самую суть воспитания, образующего личность. Ушинский не нашел такой целостности знания о человеке и за пределами педагогики. Придавая особое значение физиологии и психологии человека в качестве научных основ педагогики, Ушинский, однако, отчетливо представлял их незавершенность и несовершенство в то время, невозможность, говоря его словами,

«еще ни для психологии, ни для физиологии» стройного изложения какой-либо картины человеческого развития» [1, с. 531].

Итак, Ушинский разрабатывает «Педагогическую антропологию» [15, 16, 17]. Слово, придуманное Аристотелем, в середине XIX столетия известно. В 1800 г. – вышла «Антропология» Канта, антропологию разрабатывает Л. Фейербах. В Германии есть даже педагог-антрополог: Карл Шмидт – известный германский педагог, получивший название «педагога-антрополога XIX в.» (1819-1864), крестьянин по происхождению. Некоторое время был священником, но в 1850 г. окончательно сложил с себя духовное звание и сделался учителем. Беда только, что под антропологией он имеет в виду френологию Ф. Галля: по шишкам на голове определять способности. Курс по «Педагогической антропологии» в Грейфсвальдском университете читает профессор Газерт.

Рискнем предположить, что антропология возникла не случайно. Ушинскому была нужна основа. Цель Ушинского прагматическая – обеспечить дело воспитания. Наука – основа для этого. Если бы была современная психология, он использовал бы ее в качестве основания для педагогики. Обратим внимание на то, что Ушинский уже сталкивался с подобной задачей. Еще в юности в Ярославле, разрабатывая подход к камеральному образованию и отвергнув европейские образцы как не подходящие, он находит широкое понятие (там это было понятие «родины») и начинает конструировать свою модель (или концепцию, если будет угодно). Так и здесь – по той же методологии. Оттолкнуться не от чего. Константин Рамуль (1879-1975), эстонский психолог из Тартусского университета, скрупулезно рассмотрел, что мог использовать Ушинский в психологии. В Германии это: 1) натурфилософская школа; 2) психология школы Гегеля; 3) гербартовская школа; 4) школа Бенеке; 5) идеал – реалистическая школа; 6) физиологическая и эксперимен-

тальная. К. Рамуль отмечает, что было еще несколько одиночек, не примыкавших к направлениям.

Из всего этого интерес могла представлять только последняя, но из-за элементаризма и атомистичности внимания Ушинского почти не привлекала.

В Англии наиболее популярными были ассоцианистическое направление (Д. С. Милль и А. Бэн) и эволюционное (Г. Спенсер и А. Бэн).

Рамуль отмечает, что «симпатии Ушинского склонялись несколько более в сторону английской, чем немецкой психологии» [12, с. 123]. Нам эта симпатия абсолютно понятна, так как ассоциативное и особенно бэнновское («психолог Бэн, у которого мы заимствуем так много») [15, с. 409] направление было функциональным, поэтому неизбежно *более целостным*, чем немецкие школы.

«Не примкнув, таким образом, ни к одной из современных ему психологических школ Запада и относясь к каждой из них вполне критически, Ушинский при этом, конечно, не мог совершенно уйти от влияния современной ему научной психологии в ее целом или в ее преобладающей части. Мы видим, что он еще не желает вполне отказаться от того, чтобы и в психологии не «вдаваться в метафизические воззрения там, где невозможно будет избегнуть их», хотя и знает, что «эти воззрения не дадут положительных результатов». Но однако Ушинский говорит, что «не построив своей теории, мы, может быть, разрушим другие, потому что считаем полезным время от времени очищать метафизическую атмосферу от накапливающихся в ней миазмов, что особенно важно в области воспитания» [12, с. 123].

«Подобно психологиям отдельных, в особенности немецких школ, психологическая система Ушинского была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей. И хотя он сам не раз подчеркивает, что желая более всего основываться на наблюдении

и добытых при его помощи фактических данных, его наблюдение и самонаблюдение остались по существу такими же, как они были в старой «эмпирической» психологии...» [12, с. 123].

«Новая, существенным образом отличающаяся от старой, психология едва еще зарождалась, и никто не мог предвидеть всех возможностей, которые в ней таились» [12, с. 124].

Теперь самое главное. Давайте зададим себе вопрос: каким образом оценивается вклад Ушинского в психологию? С чем сравнивается?

Психология Ушинского сравнивается – *по международному счету* – с научной психологией Вундта. Через четыре года после смерти Ушинского Вундт это провозгласит в предисловии к «Основаниям физиологической психологии». Целью его труда является отделение психологии от философии: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомио-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата» [5, с. III]. Но психология Ушинского совершенно не похожа на вундтовскую!

Обратим внимание на то, что задачей Вундта было конституировать физиологическую психологию, отделив ее от философии. Он исследовал лишь ощущения, восприятия и движения – простейшие психические явления.

При этом он методично отвечал на критику Канта в адрес психологии. Вундтовская психология – это реализация естественнонаучного подхода по образцу 1786 года [8], когда написана кантовская работа «Метафизические основы естествознания».

Задача Ушинского грандиозна – в его антропологии три отдела: телесный орга-

низм, душевные явления, духовные явления. Заметим, что к «третьему отделу» наша российская психология едва подходит сегодня – через полтора века после Ушинского. Запад-ной еще долго к этому идти.

По внутреннему *российскому* счету, наверное, всех бы устроило, если бы удалось объявить Ушинского соратником Сеченова. Но это не получается, и материализм не полный, да и жесткая критика Ушинского в адрес Сеченова практически замалчивается...

Нет возможности излагать здесь методологические и общепсихологические взгляды К. Д. Ушинского. Для этого понадобилась бы целая книга, в рамки небольшой статьи такой текст не поместить. И в «Вопросе о душе», и в «Психологических монографиях», и тем более в «Педагогической антропологии» сформулированы основные положения, характеризующие позиции Ушинского в психологии.

Только обозначим эти позиции Ушинского:

1) определяет предмет психологии, причем трактует его широко и целостно;

2) определяет отношение психологии с философией; поскольку он не ставит перед своими трудами задачи обосновать отделение от философии, то просто обозначает это соотношение;

3) обсуждает отношение психологии к другим наукам, т.е. выявляет ее место в системе научного знания;

4) подробно обсуждает, каков должен быть метод психологии;

5) подробно рассматривает важнейший для конституирования науки вопрос, связанный со структурой дисциплины;

6) решает вопрос о соотношении психологии с физиологией;

7) утверждает опытный характер науки;

8) определяет соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи.

Не станем останавливаться на других моментах. Повторим, их вполне хватит на то, чтобы, реконструируя представления Ушинского о том, какой быть психологии, написать целую книгу.

Как можно увидеть, Ушинский в своих работах обсудил *весь комплекс вопросов*, необходимый для определения статуса психологии.

Мы полагаем, что Ушинский не успел заявить практико-ориентированную психологию как новую науку. Этот момент, связанный с конституированием психологии, он откладывал до завершения третьего тома, когда будет создана величественная *система психологии, включающая все богатство душевной жизни от психофизиологии до высших проявлений человеческого духа*. Свое новаторство Ушинский хорошо осознавал. Осуществить в полном объеме не успел. И наш долг теперь восстановить историческую справедливость, вернуть Ушинского в число основателей психологической науки. Повторим, Константин Дмитриевич Ушинский – создатель *первой в истории мировой психологии практико-ориентированной психологии*.

Не хочу идеализировать К. Д. Ушинского, у него были свои сложности, проблемы, нерешенные вопросы. Важно сейчас подчеркнуть другое.

У него была иная задача.

К. Д. Ушинский – великий психолог мирового уровня. Если бы по-другому сложились обстоятельства, развитие мировой психологии от Ушинского могло пойти по иному пути. Рукописи не горят, это правда. Как правда и то, что некоторые старые книги много переиздают, но мало читают...

Он первым в мировой науке стал разрабатывать психологию не предметную, как В. Вундт, Ф. Brentano, В. Джемс, которые пытались выделить в сознании тот или иной аспект для анализа. Ушинский подходил прагматически (вспомним кантовскую ант-

ропологию, обоснованную прагматически), но прагматизм его был усилен решением задачи воспитания человека.

Поэтому психология Ушинского *непредметна, а объектна* – объект ее человек, и она по возможности старается быть целостной. Парадигма практической психологии обсуждается весьма интенсивно в наши дни, шумят дискуссии.

Про основателя данного подхода в мировой психологии при этом обычно не говорят. Полагаем, историческая справедливость должна восторжествовать, Константин Дмитриевич Ушинский, как великий психолог, должен занять свое законное место в истории мировой психологии.

3. К. Д. Ушинский в Ярославле: всему начало здесь

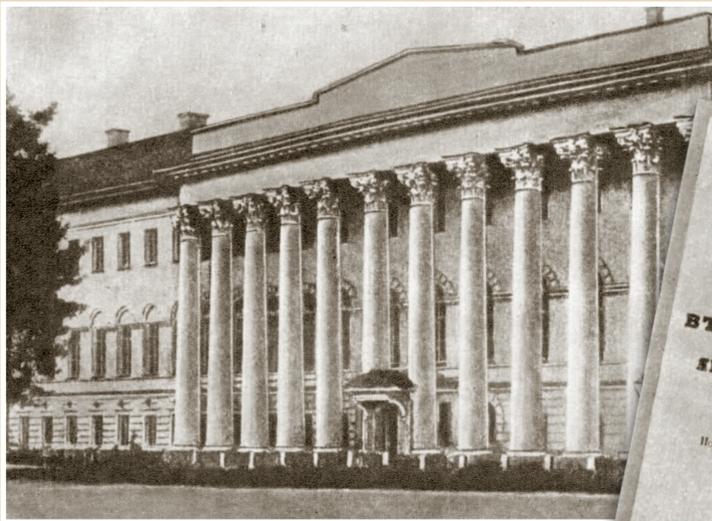
Напомним, что К. Д. Ушинский начал педагогическую карьеру в Ярославле. Хорошо известно, что Ушинский, блестяще окончив «вторым кандидатом» Московский университет, получил приглашение в Ярославский Демидовский лицей, в котором проработал почти четыре года, «исправляя обязанности» профессора. В лицее К. Д. Ушинский зарекомендовал себя прекрасным лектором, читавшим курсы права и разрабатывавшим проблемы камерального образования. Также хорошо известно, что вопросами педагогики К. Д. Ушинский начал заниматься позднее, будучи инспектором в Гатчине, в Смольном, и особенно во время пребывания за рубежом (1862-1867). «Педагогическая антропология» (в особенности проект третьего тома) является ярким свидетельством того, что Ушинский рассматривал педагогику как творческую деятельность. Нельзя не согласиться с теми исследователями, согласно мнению которых путь Ушинского мог бы сложиться иначе, не получи он в самом начале своей карьеры опыт работы в лицее. Итак, мы можем констатировать, что в годы работы в Ярославле Ушинский не занимался ни педагогикой,

ни психологией – интерес к этой проблематике пришел значительно позднее. (В скобках заметим, что в 1860 году Ушинский публикует «Психологические монографии» – произведение интересное и глубокое, свидетельствующее об изрядном знакомстве с предметом. Когда Ушинский начал заниматься психологией при этом не очень ясно, может, во время учебы в университете, а затем, не афишируя, продолжал в Ярославле?)

Анализ знаменитого выступления К. Д. Ушинского 18 сентября 1848 года с актовой речью «О камеральном образовании» свидетельствует, что основные мотивы, побудившие к написанию «Педагогической антропологии», у двадцатичетырехлетнего ученого уже сформировались. К. Д. Ушинский выступает резким противником немецкой системы камерального образования, отмечая, что немецкие авторы очень неудачно смешивают «науку» и «искусство», результатом чего является «рецептурный» характер камеральной литературы. Система зарубежной подготовки – рецептурная, а не научная. Ушинский отвергает эту систему, предлагая взамен собственную, основой которой должно «служить изучение родины в самом широком смысле». Таким образом, можно увидеть, что Ушинским используется та же логика, что и позднее при обосновании «Педагогической антропологии»: искусство педагогики должно быть основано на научном знании, в первую очередь, физиологии и психологии, знании о человеке. Широко известны высказывания Ушинского о творческом характере образования, о том, что жесткая регламентация учебного процесса «совершенно убьет живое дело преподавания». Основные черты подхода Ушинского к реформированию педагогики, таким образом, сформировались уже в ярославский период: творческая направленность, систематичность, преодоление ограниченности теоретического знания, антропологизм, практическая ориентированность.



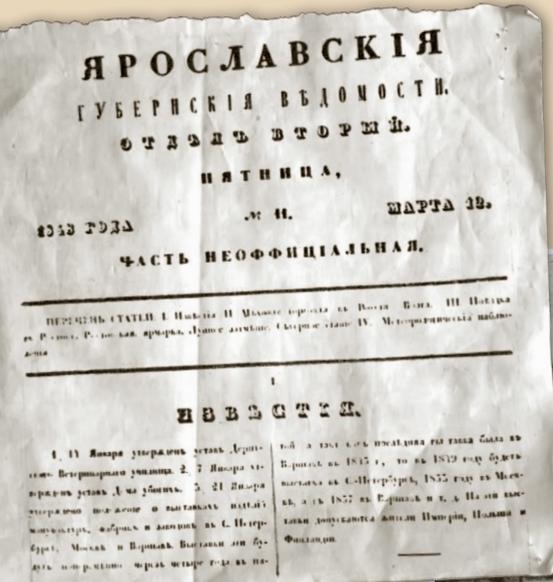
К. Д. Ушинский



◀ Ярославский юридический лицей



«О камеральном образовании» – речь К. Д. Ушинского на торжественном заседании студентов и преподавателей Ярославского лицея 18 сентября 1848 года. Издана в Москве в 1848 году.



◀ Преподавая в Ярославском лицее, К. Д. Ушинский в 1848 году работал редактором неофициальной части газеты «Ярославские губернские вести»



Дом в г. Ярославле, в котором жил К. Д. Ушинский (1846-1848)

В «Педагогической антропологии» он рассматривает психологию в качестве одного из оснований педагогики. Принципиально важно, что в шестидесятые годы, когда Ушинский разрабатывает педагогическую антропологию, научной психологии еще не было. Наиболее популярными были немецкие курсы. Психология существовала как философская наука. «Психология так долго находилась в зависимости от философии, что нельзя ожидать, чтобы взгляд на нее как на науку наблюдения и опыта установился скоро, – установился не только в заглавии психологических теорий, где он давно уже заявляет себя, но и на самом деле» [14, с. 287].

Важно подчеркнуть, что, по нашему мнению, вклад К. Д. Ушинского в психологию по достоинству еще не оценен: работы Ушинского проходили в основном «по ведомству» педагогики, психологические взгляды Ушинского не были вполне соответствующими «официальной» академической психологии, которая видела в трудах Ушинского многочисленные «кусточки идеализму». Вероятно, пришло время оценить новаторский характер психологии К. Д. Ушинского непредвзято: работы Ушинского должны занять достойное место в истории психологии. Свою психологию он строит на опытной основе.

К. Д. Ушинскому принадлежит альтернативная попытка разработать научную психологию на иной методологической основе. Достаточно сравнить физиологическую психологию В. Вундта и психологию К. Д. Ушинского. Последняя не только основана на фактах, описательна, но и практически ориентированна. Это позволяет уйти от наиболее «тупиковых» моментов: «зацикленности» на психофизиологический параллелизм, элементаризм, разрыва между элементарными и высшими психическими функциями. Согласно Ушинскому, «отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая силь-

нейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимой...» [15, с. 342]. Это позволяет разграничить методы наук: «Наблюдение есть метод естественных наук: самонаблюдение метод психологии. Уже сама физиология, как только дело идет в ней о деятельности органов чувств и движений, не довольствуется наблюдениями, а прибегает к самонаблюдениям: меняет физиологический метод на психологический; да иначе и быть не может» [15]. Это позволяет избежать ситуации, которая «заставляет английского психолога Бэна, объясняя всю душу нервными токами, признать за человеком власть распоряжаться этими токами» [15, с. 342]. Напомним, что третий том антропологии Ушинский намеревался посвятить высшим проявлениям сознания: согласно Ушинскому, пропасти между элементарными психическими явлениями и сложными при комплексном подходе не существует. Именно этот разрыв привел, как известно, к кризису психологии, конфликту между естественнонаучной и герменевтической психологией.

Итак, Ушинским была разработана система практической психологии. У К. Д. Ушинского мы видим рождение новой психологической парадигмы: это практико-ориентированная концепция, имеющая комплексный, антропологический характер, это эмпирический подход, основывающийся прежде всего на фактах, но свободный от известной узости позитивизма. Не случайно антропологизм Ушинского был воспринят теми психологическими теориями, которые пытались преодолеть ограниченность традиционной академической психологии за счет комплексного подхода (Б. Г. Ананьев).

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. «Педагогическая антропология» К. Д. Ушинского и ее современное значение. / Б. Г. Ананьев Избранные труды по психологии. Том 2. Развитие и воспитание личности / под ред. Н. А. Логиновой. – СПб: Изд-во СПб государственного университета, 2007. – С. 531-546

2. Там же – С. 499-514
3. Ананьев Б. Г. К. Д. Ушинский – великий русский психолог. / Б. Г. Ананьев Избранные труды по психологии. Том 1. Очерки психологии. История русской психологии / под ред. Н. А. Логиновой. – СПб: Изд-во СПб государственного университета – 2007. – С. 388-409
4. Ананьев Б. Г. Педагогическая антропология К. Д. Ушинского и ее современное значение. / Б. Г. Ананьев // Вопросы психологии. – 1969. – № 2. – С. 3-14.
5. Вундт В. Основания физиологической психологии. / В. Вундт. – М.: Типогр. М. Н. Лаврова и Ко, 1880. – 1040 с.
6. Ждан А. Н. История психологии от Античности до наших дней. / А. Н. Ждан. – М.: МГУ, 2004. – С. 576
7. Кольцова В. А. Методологические проблемы истории психологии в трудах Б. Г. Ананьева / В. А. Кольцова // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: материалы юбилейной научной конференции ИПРАН, 28-29 января 2002 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2002. – С.80-99
8. Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. / В. А. Мазиллов – Ярославль, 1998. – 356 с.
9. Марцинковская Т. Д. История психологии / Т. Д. Марцинковская, А. В. Юревич. – М.: Гардарики. – 2008. – 413 с.
10. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. / В. Ф. Петренко. – М.: Новый хронограф. – 2010. – 440с.
11. Петровский А. В. История и теория психологии. Т.1. / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 1996. – 416 с.
12. Рамуль К. А. К. Д. Ушинский и западноевропейская психология // К. А. Рамуль // Вопросы психологии. – 1956. – № 5. – С. 124
13. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 2. / К. Д. Ушинский. – М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948
14. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 3. / К. Д. Ушинский. – М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950
15. Там же – Т. 8.
16. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 9. / К. Д. Ушинский. – М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1951
17. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 10. / К. Д. Ушинский. – М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1952
18. Шаин Е. Г. Дата рождения К. Д. Ушинского. / Е. Г. Шаин // Педагогика – 2004 – № 4. – с. 63-64.